

Академия наук Республики Татарстан
Институт археологии им. А.Х. Халикова

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

**Материалы III Международной научно-практической
конференции «Археологический костюм: исследования,
реставрация, реконструкция»**

**№ 1
2019**

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

№ 1 2019

Главный редактор:

чл.-корр. АН РТ, докт. ист. наук А.Г. Ситдиков

Ответственный редактор:

докт. ист. наук И.Л. Измайлов

Ответственный секретарь: А.С. Беспалова

Редакционный совет:

Атанасов Г., д.и.н., проф. (Силистра, Болгария); **Авербух А.**, д-р, (Париж, Франция); **Афонсо Марреро Х.А.**, проф. (Гранада, Испания); **Бороффка Н.**, д-р, проф. (Берлин, Германия); **Виноградов Н.Б.**, д.и.н., проф. (Челябинск); **Канторович А.Р.**, д.и.н., проф., (Москва); **Кожокару В.**, д-р хабилитат (Яссы, Румыния); **Напольских В.В.**, д.и.н., чл.-корр. РАН (Ижевск); **Скакун Н.Н.**, к.и.н. (Санкт-Петербург); **Франсуа В.**, д-р хабилитат (Экс-ан-Прованс, Франция); **Хайрутдинов Р.Р.**, к.и.н. (Казань); **Черных Е.Н.**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Москва); **Шуныков М.В.**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Новосибирск); **Янхунен Ю.**, д.и.н., проф. (Хельсинки, Финляндия).

Редакционная коллегия:

Бобров Л.А., д.и.н. (Новосибирск); **Ганбат Н.**, д.и.н. (Улан-Батор, Монголия); **Горбунов В.В.**, д.и.н. (Барнаул); **Губайдуллин А.М.**, к.и.н. (Казань); **Кирпичников А.Н.**, д.и.н., проф. (Санкт-Петербург); **Кушкумбаев А.К.**, д.и.н. проф. (Астана, Казахстан); **Иванов В.А.**, д.и.н., проф. (Уфа); **Измайлов И.Л.**, д.и.н. (Казань); **Йотов В.**, д.и.н., доц. (Варна, Болгария); **Нарожный Е.И.**, д.и.н. (Армавир); **Худяков Ю.С.**, д.и.н., проф. (Новосибирск).

Адрес редакции:

420012, г. Казань, ул. Некрасова, 28, пом. 1203

Телефон: (843)210-19-76

E-mail: archeostepps@gmail.com

<https://www.evrazstep.ru>

© ООО «Поволжская археология», 2019

© Академия наук Республики Татарстан, 2019

© Журнал «Археология евразийских степей», 2019

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **A.G. Sitdikov**

Executive editor:

Doctor of Historical Sciences **Iskander L. Izmailov**

Executive Secretary: Antonina S. Bepalova

Atanasov Georgy, Dr. Hab., Prof. (Silistra, Bulgaria); **Afonso Marrero José Andrés**, PhD, Prof. (Granada, Spain); **Averbouh Aline**, Dr. (Paris, France); **Boroffka Nikolaus**, PhD, Prof. (Berlin, Germany); **Chernykh Evgenii N.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Cojocarui Victor**, Dr. Hab. (Yassy, Romania); **François Victoria**, Dr. Hab. (Aix-en-Provence, France); **Janhunen Ju.**, PhD, Prof. (Helsinki, Finland); **Kantorovich Anatolii R.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Moscow); **Khayrutdinov Ramil R.**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Napolskikh Vladimir V.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk), **Shunkov Michael V.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); **Skakun Natalia N.**, Candidate of Historical Sciences (Saint Petersburg); **Vinogradov Nikolay B.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk).

Editorial board:

Bobrov Leonid A., Doctor of Historical Sciences (Novosibirsk); **Ganbat Namdan**, Doctor of Historical Sciences (Ulan Bator); **Gorbunov Vadim V.**, Doctor of Historical Sciences (Barnaul); **Gubaidullin Ayrat M.**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Khudyakov Yuliy S.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., (Novosibirsk); **Kirpichnikov Anatolii N.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., (Saint Petersburg); **Kushumbaev A.K.**, Doctor of Historical Sciences (Astana, Kazakhstan); **Ivanov Vladimir A.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., (Ufa); **Izmailov Iskander L.**, Doctor of Historical Sciences (Kazan); **Narozhnyi Evgenii I.**, Doctor of Historical Sciences (Armavir); **Yotov Valeri**, Doctor of Historical Sciences, Associate Prof. (Varna, Bulgaria).

Editorial Office Address:

Nekrasov St., 28, office 1203, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation
Telephone: (843)210-19-76

E-mail: archeostepps@gmail.com

https://www.evraststep.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Алтынбеков К.К., Алтынбеков Э.К. (<i>Алмата, Казахстан</i>) Реконструкция женского головного убора IV-III вв. до н.э. по материалам кургана Тасарык в Восточном Казахстане.....	6
Аникеева О.В., Яблонский Л. Т. (<i>Москва, Россия</i>) Элементы погребального костюма жрицы из Филипповских курганов: материалы к реконструкции	12
Варенов А.В. (<i>Новосибирск, Россия</i>) Бронзовые антропоморфные статуи Саньсиндуя и ритуальные одеяния Древнего Царства Шу.	33
Воробьева С.Л. (<i>Уфа, Россия</i>) Типы костюмных комплексов носителей кара-абызской эпохи раннего железа	50
Елкина И.И. (<i>Москва, Россия</i>) Археологические текстильные находки XVII-XVIII вв. из слободы Новодевичьего монастыря в Москве. Атрибуция, реконструкция	70
Жилина Н.В. (<i>Москва, Россия</i>) Волжская Булгария / Восток; Древняя Русь / Византия. Сравнительная характеристика убора из украшений: костюм, головные украшения.....	83
Жилина Н.В. (<i>Москва, Россия</i>) Волжская Булгария / Восток; Древняя Русь / Византия. Сравнительная характеристика убора из украшений: шейно-нагрудный ярус, украшения рук	99
Копосова Л.В., Галеева Т.А. (<i>Екатеринбург, Россия</i>) Искусствоведческий подход при анализе и реконструкции палеокостюма	118
Макласова Л.Э. (<i>Казань, Россия</i>) К вопросу о головных уборах с «ötblge»	129
Мунхбаяр Ч., Б. (Ховд, Монголия), Мунхиэцэг Б. (<i>Улан-Батор, Монголия</i>) К вопросу исследования выкройки и моды женской дэли (верхняя монгольская национальная одежда) Киданьского периода	137
Патрушев В.С. (<i>Йошкар-Ола, Россия</i>) Археологические истоки традиционного костюма мари.....	150
Руденко К.А. (<i>Казань, Россия</i>) Опыт реконструкции венгерского парадного мужского костюма и конского снаряжения эпохи «Великой Венгрии» (по изобразительным и археологическим источникам).....	157
Усманова Э.Р. (<i>Караганда, Казахстан</i>), Мерц В.К. (<i>Павлодар, Казахстан</i>) Знаковый фактор головных и ушных украшений в андроновском костюме эпохи бронзы	172
Орфинская О.В., Толмачева Е.Г. (<i>Москва, Россия</i>) К вопросу о ткачестве туник в Египте в позднеантичное время: проблема реконструкции ткацкого станка по археологическим данным	183
Измайлов И.Л. (<i>Казань, Россия</i>) Традиционная одежда и археологический костюм: соотношение этнических и сословно-статусных элементов.....	199
Список сокращений	217

CONTENS

Altynbekov K.K., Altynbekova E.K. (<i>Almaty, Republic of Kazakhstan</i>) Reconstruction of the Female Headdress of IV-III BC on Materials of the Tasaryk Mound in East Kazakhstan.....	6
Anikeeva O. V., Yablonsky L.T. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) Elements of Priestess Funeral Dress from Filippovka I Burial Ground: materials to reconstruction	12
Varenov A. V. (<i>Novosibirsk, Russian Federation</i>) Bronze Anthropomorphic Statues of the Sanxingdui and Ritual Garments of the Ancient Shu Kingdom	33
Vorobyeva S.L. (<i>Ufa, Russian Federation</i>) Types of Costume Complexes of Cara-Abyz Culture bearers of Early Iron Age.....	50
Elkina I.I. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) Archaeological Textile Findings of 17th-18th centuries from the Cloister of Novodevichy Convent in Moscow	70
Zhilina N.V. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) Volga Bulgaria/ East; Ancient Russia / Byzantine Empire (comparative characteristics of jewelry complexes: costume and head adornments).....	83
Zhilina N.V. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) Volga Bulgaria/ East; Ancient Russia / Byzantine Empire (comparative characteristics of jewelry complexes: neck and chest, head adornments)	99
Koposova L.V., Galeeva T.A. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) Art Historical Approach Analysis and Reconstruction of Paleo Costume	118
Maklasova L. E. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Headwear with “örbelge”	129
Munkhbayar, Ch. (<i>Hovd, Mongolia</i>), Munkhtsetseg, B. (<i>Ulaanbaatar, Mongolia</i>) Study of the Sewing Patterns and Fashion of Women’s Deel (National Mongol Overdress) of the Khitan Period	137
Patrushev V. S. (<i>Yoshkar-Ola, Russian Federation</i>) Archaeological Origins of Traditional Mari Costume	150
Rudenko K.A. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Experience of Reconstruction of Hungarian Men's Ceremonial Costume and Horse Harness of the Great Hungary Period (on the basis of fine arts and archeological sources)	157
Usmanova E.R. (<i>Karaganda, Republic of Kazakhstan</i>), Merz V.K. (<i>Pavlodar, Republic of Kazakhstan</i>) Symbolic Meaning of Head and Ear Adornments in Bronze Age Andronovo Costume.....	172
Orfinskaya O.V., Tolmacheva E.G. (<i>Moscow, Russian Federation</i>), The Weaving of the Tunics in Late Antique Egypt: some consideration on the reconstruction of the weaving loom according to archaeological evidences	183
Izmailov I.L. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Traditional Clothes and Archaeological Costume: ratio of ethnic and class and status elements.....	199
List of Abbreviations	217

УДК 902/904

ТИПЫ КОСТЮМНЫХ КОМПЛЕКСОВ НОСИТЕЛЕЙ КАРА-АБЫЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

© 2019 г. С.Л. Воробьева

В статье представлены особенности становления и развития костюмного комплекса кара-абызского населения, выделены основные типы костюмов, характерные для каждого хронологического периода и представлены графические реконструкции костюмных комплексов. Кара-абызский костюм начал формироваться на самых ранних стадиях развития культуры – в IV в. до н. э. и в каждый из хронологических периодов существуют определенные типы костюмов. Автором выделены отдельные типы костюмных элементов – поясные наборы, головные, шейно-нагрудные, обувные украшения и обшивка одежды. Для каждого элемента определены свои типы, имеющие, прежде всего, различия по полу. Женский кара-абызский костюм наиболее информативен, он состоял из нагрудного и поясного наборов, для него была характерна расшивка одежды. В разное время и в зависимости от пола, социального положения или принадлежности к определенному роду, костюм дополнялся височными подвесками, пряжками, браслетами, гривнами и другими элементами. В комплекс мужского костюма из достоверно реконструируемых элементов убранства входили поясной набор и украшения обуви в виде пряжек. Они, в отличие от женских элементов убранства, имели больше рациональное значение, нежели декоративное или обрядовое.

Ключевые слова: археология, ранний железный век, кара-абызская культура, костюм, поясной набор, головные украшения, шейно-нагрудные украшения, обувные украшения, обшивка одежды.

Костюмный комплекс носителей кара-абызской культуры, в отличие от других костюмов эпохи раннего железа и Великого переселения народов (ананьинский, пьяноборский и мазунинский), не являлся самостоятельным предметом археологического изучения.

Ареал обитания населения кара-абызской культуры среднее течение р. Белой протяженностью около 250 км, от г. Бирск на севере до с. Табынское на юге. Район относится к лесостепной территории Южного Приуралья, которая в эпоху раннего железа являлась стыковой зоной проживания кочевников и оседлого населения. Отдельные следы пребывания носителей кара-абызской культуры выявлены и в горно-лесной зоне Южного Урала, в верховьях р. Белой (Морозов, 2001; Савельев, 2011).

В работе использован комплекс опубликованных и неопубликованных источников, содержащих материалы 8 могильников кара-абызской культуры (Уфимский, Ново-Уфимский/ Галановский, Кара-Абыз-2, Охлебининский, I-III Биктимировский, Шиповский грунтовый и курганный, Нагаевский курганный могильники¹). Для типологического

анализа выбрано 893 погребения с элементами убранства костюма. Первоначально производилось описание каждого элемента с общей характеристикой категории убранства, особенностями распределения элементов убранства в исследуемых памятниках и определением хронологических рамок бытования предметов. На заключительных этапах исследования применялся метод гипотетической реконструкции.

Данное исследование показало, что костюмный комплекс носителей кара-абызской культуры состоит из следующих элементов: головного убора, шейно-нагрудных украшений, поясного набора, обувных украшений и обшивок одежды.

Головные уборы

Головной убор во все времена является одним из самых значимых элементов костюма. Этнографические и исторические источники указывают на его значимую роль при переходе от одной социальной половозрастной группы в другую. Головной убор часто выступает как деталь этнической одежды или погребального убранства (Шишлина, 2005, с. 50). Во все времена, в том числе и в эпоху раннего железа, он являлся половозрастным и социальным индикатором.

А.В. Збруева для женских ананьинских головных уборов выделяет следующие типы: 1) «тонкая полоса листовой бронзы, расширя-

¹ Возможность работы с неопубликованными материалами была любезно предоставлена авторами раскопок: А.Х. Пшеничнюком, Н.А. Мажитовым, В.В. Овсянниковым и Н.С. Савельевым. Пользуясь случаем, выражаю им благодарность.

ющаяся к середине и суживающаяся к концам, охватывающая голову. На концах полосы находились небольшие отверстия, куда продевался шнур или ремешок, соединявший оба конца и завязывающийся на затылке»; 2) полоса кожи «с нашитым рядом бронзовых бляшек, круглых или удлинённых»; 3) головные уборы из материи или кожи с отдельно прикрепленными бронзовыми бляшками и височными кольцами (Збруева, 1952, с. 79).

В.Ф. Генинг, реконструируя пьяноборский костюм, также отмечает наличие налобной повязки, на которую подвешивали височные кольца и нашивали полушарные бляшки (Генинг, 1970, рис. 26). А.А. Красноперов выделяет 2 типа головных уборов: ленточной конструкции и в виде шапочки. При этом критерием для выделения шапочки в погребении автор считает наличие украшений, ссыпавшихся с черепа (Красноперов, 2005).

В.С.Патрушев среди головных уборов Старшего Ахмыловского могильника выделяет налобные венчики, которые разделяет на одинарные и составные (Патрушев, 1984, с. 33; Он же, 2010, с. 378).

В кара-абызском костюме, в отличие от ананьинского и пьяноборского, головной убор не получил столь широкого распространения. Около головы в погребениях находят полусферические бляшки и бляшки с ушками на обороте, а также трапецевидные подвески. В Уфимском могильнике (погр. 14) (рис. 1, 2) на черепе найден кожаный ремешок с нашитыми на него бляшками. Это позволяет предположить, что в других погребениях, где также найдены бляшки на черепе, они, вероятнее всего, были нашиты на налобный венчик.

Височные подвески, как отмечалось ранее, могли крепиться как на мочке уха, так и на головном уборе. Но конкретно определить, где их носили, на данный момент не представляется возможным.

В 9 погребениях кара-абызской культуры рядом с черепом найдены бляшки и обоймочки и фрагменты кольчужки, что свидетельствует о наличии головного убора как такового. Среди них можно выделить следующие типы.

Тип 1. Венчики с нашитыми на них бляшками или обоймами (5 погребений).

Вариант а. Венчики состоят из нашитых полусферических бляшек типа А.2 (2 экз.) – найдены в Уфимском (погр. 14) и Шиповском курганном (погр.1/к.4/Ігр.-66) могильниках (рис. 1: 1, 2, 4, 6). При этом в Шиповском погребении кроме височных колец с одной

стороны крепилась трапецевидная подвеска из зеркала с орнаментом (рис. 1: 4). Оба погребения датируются IV-III вв. до н. э.

Вариант б. Венчики состоят из нашитых полушарных бляшек, бляшек с ушком на обороте и обойм (3 погр.) – происходят из Биктимировского (погр. 43, 46) и Шиповского курганного (погр.1/к.5/Ігр.-67) могильников (рис. 1: 2). В одном из погребений за черепом найдена трапецевидная подвеска, которая также крепилась, по всей видимости, к венчику. Погребения датируются III-II вв. до н. э.

Тип 3. Венчик с нашитыми на него мелкими подвесками – зафиксирован в одном погребении II Биктимировского могильника (погр. 7) (рис. 1: 7).

Тип 4. Венчик без украшений, с нашитыми на него трапецевидными подвесками (1 погр.) (рис. 1: 3). В одном из детских погребений Охлебенинского могильника (погр.299/IV-80-82) за черепом зафиксированы костяные подвески, которые, по всей вероятности, крепились к головному убору.

Тип 5. Головной убор в виде остатков металлической основы кольчужного плетения. Данный тип головных уборов найден в четырех погребениях самого позднего (XIII) раскопа Шиповского грунтового могильника (Овсянников и др., 2007, рис. 42, 1). Хотя из погребений происходят лишь фрагменты, можно предположить по аналогии с мазунинской (Останина, 1997, с. 36) культурой, что головной убор представлял из себя сетку из железных колец, в которую заправлялись волосы. Одно из погребений принадлежало женщине 30-50 лет.

В могильнике Кара-Абыз-2 рядом с черепом, внутри него и за ним в погребениях зафиксированы бусы, но на что именно они нашивались, пока судить сложно. В данном случае это могли быть или расшитый платок, или шапочка, или венчик.

В марийском костюме известны головные украшения типа «ошпу» и «ўп онто», состоящие из лент, украшенных бляшками-монетами или бисером (Молотова, 1992, с. 43). Таким образом, головные уборы, возникшие в ананьинской культуре, распространились в среде финно-угорских народов, просуществовав до этнографической современности.

Таким образом, головные украшения в костюме кара-абызского населения датируются (кроме типа 5) IV-II вв. до н. э. и, вероятнее всего, имеют ананьинское происхождение.

Шейно-нагрудные украшения

Шейно-нагрудные и накосные украшения кара-абызской культуры стоит рассмотреть вместе, так как среди них выделяются так называемые «портупей», которые не могут быть четко отнесены к определенной части костюма. Кара-абызские украшения, состоящие из широких ремней, спускающихся от плеч к поясу, определены А.Х. Пшеничнюком как «портупей» (Пшеничнюк, 1973, с. 183). А.А. Красноперов придерживается другой точки зрения и считает, что кара-абызские «портупей» были накосниками (Красноперов, 2010, с. 127)

Украшения, интерпретируемые А.Х. Пшеничнюком как портупей, найдены на костяке *in situ* в Биктимировском (9 погр.), Охлебининском (1 погр.), Кара-Абыз-2 (3 погр.), Шиповском курганном (7 погр.) и грунтовом (1 погр.) могильниках. Все погребения датируются IV-II вв. до н. э. Кроме того, в 46 комплексах Охлебининского могильника в ногах умершего найдены свернутые украшения, повторяющие «портупей», на которых имеются следы бересты. В старшем Ахмыловском могильнике ананьинской культуры найдены накосные украшения, сложенные в ногах погребенного (Патрушев, 2010, с. 220).

Кара-абызские украшения, по всей вероятности, нельзя считать накосниками или «портупеями», т.к. наиболее близкой им аналогией являются нагрудные украшения калмезских женщин конца XIX – начала XX вв. (Атаманов-Эграпи, 2010, с. 149). Кроме того, в марийском и чувашском костюмах известны различные типы нагрудных украшений, спускающихся от плеч к поясу: из одной полоски, перекинутой через шею, и соединенной на поясе подвеской (Николаев и др., 2002, с. 29; Молотова, 1992, с. 45); из двух полосок, перекинутых крест-накрест через шею (Молотова, 1992, с. 61). Чувашки в XVIII в. носили украшения в виде расшитой ленты, идущей за спиной от шапочки к поясу и заправленной за пояс (Николаев и др., 2002, рис. 27, с. 42). С большой долей вероятности можно считать, что кара-абызские металлические нагрудные украшения способствовали появлению в более позднее время некоторых видов марийских и чувашских украшений.

Наиболее ранние украшения найдены в Шиповском курганном могильнике (рис. 8, 4), где в их состав входили гофрированные обоймы, а в Биктимировском и Охлебининском могильниках появляются обоймы с двумя

перекрестиями, имеющие прямые аналогии в кулайской культуре (Троицкая, 1979, с. 13).

«Портупей» в погребениях расположены по-разному относительно костяка: в комплексе 346 Охлебининского могильника (рис. 98) две полосы украшений, состоящих из гофрированных обойм, лежали спереди костяка. В другом погребении (погр. 5/р.I/Шгр. Шиповского курганного могильника) (рис. 101) два ряда «портупей» располагались на костяке, а четыре – за ним. В нескольких погребениях Охлебининского могильника (рис. 97, 99) 2 ряда обойм, оканчивающихся трапециевидными подвесками, лежали за костяком. Разнообразии расположения украшений, получивших название «портупей» способствует появлению различных интерпретаций. На могильнике Кара-Абыз-2 (раскопки 2011 г.) зафиксирован случай расположения обойм, идущих от плеч к поясу, которые заканчивались лировидными подвесками. При этом на плечах они переходили в Т-образное украшение (рис. 100). Последний случай не дает основания на причисление всех «портупей» к накосникам. Эти украшения могли быть либо нагрудными изделиями, либо служить обшивкой верхней одежды.

Среди шейно-нагрудных украшений можно выделить несколько типов:

Тип 1. Украшения, состоящие из двух полосок гофрированных обойм, оканчивающихся иногда трапециевидными подвесками (рис. 2: 9).

Тип 2. Украшения, состоящие из двух полосок гофрированных обойм с круглыми бляшками с ушком на обороте и оканчивающиеся, как правило, лировидными подвесками (рис. 2: 3, 5).

Тип 3. Многосоставные украшения из двух и более полос с обоймами (рис. 2: 1, 2, 5).

Тип 4. Украшения, состоящие из полосок обойм, оканчивающихся различными привесками. Выделяются 2 варианта.

Вариант а – состоят из несмыкающихся штампованных обойм (рис. 2: 3). Они происходят из Шиповского курганного и грунтового, Охлебининского, Кара-абызского могильников. Погребения датируются IV-II вв. до н. э.

Вариант б – состоят из литых мелких обойм (рис. 2: 8-14). Датируются IV-III вв. до н. э.

Тип 5. Украшения, состоящие из четырех рядов гофрированных длинных обойм, оканчивающихся трапециевидными подвесками (рис. 2: 2). На верхней части таких изделий,

как правило, имеется либо нашивная бляшка, либо бляшка с несколькими ушками на обороте. Украшения происходят из Биктимировского и Шиповского курганного могильника.

Тип 6. Украшения, состоящие из двух рядов мелких обойм, соединенных между собой либо нашивными бляшками, либо с ушком на обороте. Выделяются 2 варианта.

Вариант а – состоят из мелких цельнолитых обойм (рис. 2: 4). Украшения найдены в Биктимировском могильнике, где они, как правило, оканчиваются трапециевидными подвесками. Погребения датируются III-II вв. до н. э.

Вариант б – состоят из гофрированных мелких обойм с несмыкающимися концами (рис. 2: 5). Украшения происходят из Охлебининского могильника. Они, как правило, оканчиваются лировидными подвесками типа А.2. Погребения датируются II в. до н. э. – II в. н. э.

Украшения, оканчивающиеся привесками или колокольчиками, были широко распространены в финно-пермском средневековом костюме в качестве привесок, идущих от пояса (Крыласова, 2001, рис. 40: 16, с. 117), а в марийском костюме они встречены в составе головного убора (Молотова, 1992, рис. 21, с. 43).

К шейно-нагрудным украшениям относятся гривны и бусы. Они достаточно редко встречаются вместе в погребениях. При этом бусы четко локализируются в районе шеи. Только в нескольких погребениях Охлебининского и Биктимировского могильников (рис. 97) бусы найдены россыпью на шее, и в таком случае ими могли быть расшиты украшения типа нагрудников, известных в пьяноборской культуре (Генинг, 1970, рис. 29, 30).

В одном погребении Охлебининского могильника вместо бус на шее найдены очковидные подвески, которые, видимо, были нанизаны на нитку.

Выделяются следующие типы нагрудных украшений, имеющих четкую локализацию в погребениях на груди.

Тип 1. Украшения, состоящие из нашивных бляшек (рис. 5) – происходят из Охлебининского (1 пог.) и Кара-Абыз-2 (1 погр.) могильников. Они датируются IV-II вв. до н. э.

Тип 2. Украшения, состоящие из одной-трех круглых зеркаловидных бляшек (рис. 1: 5) – происходят из Шиповского грунтового могильника (погр. 10/VI-72) и датируются II в. до н. э. – II в. н. э.

Оба типа украшений широко распространены в пьяноборской культуре (Генинг, 1970, рис. 34-39).

В Охлебининском могильнике на шее была найдена бляшка с цепочкой в погребении II-III вв. н. э. (Пшеничнюк, 1993, рис. 18: 11, с. 68).

Шейно-нагрудные украшения появляются в костюме кара-абызского населения в IV в. до н. э. и наибольшее развитие получают в «портупейном наборе». Нагрудники, аналогичные пьяноборским, здесь не имели столь широкой популярности, что, вероятнее всего, связано со значительным влиянием кочевнических традиций на лесостепное население на стадии формирования кара-абызской культуры (Воробьева, 2012).

Поясные наборы

Поясной набор населения кара-абызской культуры состоял из двух главных элементов – пряжки или поясной дисковидной бляхи и поясных накладок. Поясные накладки кара-абызской культуры появляются в костюме на рубеже IV-III вв. до н. э. и наибольшее распространение получили на рубеже эр. В женском костюме пояса, состоящие из дисковидных блях и накладок с изображением голов грифонов, появляются в III в. до н. э. В таком виде он просуществовал несколько столетий, до II в. н. э. За это время изображения грифонов на накладках были сильно стилизованы и утратили свой первоначальный образ. Мужской пояс этого времени отличался простотой и состоял из пряжки и костяных накладок (рис. 3, 1-2). При этом надо учитывать, что пояса с костяными накладками (рис. 3, 2) были атрибутом подросткового или детского костюма, а пояса с умбовидными пряжками – взрослого (рис. 3, 1).

Вопрос о появлении накладок с противопоставленным изображением голов грифонов (рис. 8, б) является дискуссионным (Воробьева, 2010). Наиболее близкие аналогии этим изделиям найдены в Ордосе, Китае, Монголии и в Барабе. Имеются стилизованные изображения на Алтае, в Сибири, Минусинской котловине, в Семиречье и Забайкалье. Но здесь не известно более или менее реалистичного образа. К тому же, китайские, монгольские и ордосские древности не имеют четких датировок. Известно лишь, что «бабочковидные» накладки со стилизованным изображением грифонов найдены в памятниках доциньского времени и датируются IV-III вв. до н. э. (Ковалев, 2002, рис. 2: 7, 3: 9-12, 5: 15). В связи с этим на данный момент вопрос о времени и

путях проникновения данных накладок кара-абызскую культуру остается открытым.

В погребениях кара-абызской культуры поясные наборы были широко распространены и являются хронологическим и этно-культурным маркером кара-абызского населения. Ранее исследователи не обращали внимания на тот факт, что поясные принадлежности лежат поверх рук. Археологические работы 2011 г. года на могильнике Кара-Абыз-2 выявили случаи, когда пояса надевали на умершего не так, как их носили при жизни, а поверх рук, прижатых к бедрам. В связи с этим были пересмотрены все планы кара-абызских погребений и выявлены подобные случаи на Охлебининском, Шиповском курганном и грунтовым могильниках. В Биктимировском и Уфимском могильниках такие случаи не зафиксированы. Сложно сказать, с чем связан подобный погребальный обряд, его аналоги автору не известны.

Так как не все погребения с поясными наборами даже по инвентарю можно отнести к какому-то определенному полу, типы поясных наборов составлены вне зависимости от пола погребенного. Пояса по сочетанию бляшек, пряжек и накладок разделены на типы: состоящие из бронзовых накладок и дисковидных блях и бляшек из зеркаловидной бронзы; состоящие из пряжек и поясных бронзовых или костяных накладок; состоящие из костяных накладок.

Тип 1. Пояса, состоящие из бронзовых накладок и дисковидных блях и бляшек из зеркаловидной бронзы (283 погр.) (рис. 3: 6,7). Пояса данного типа появляются в IV-II вв. до н. э. и существуют вплоть до II-III вв. н. э.

Тип 2. Пояса, состоящие из пряжек и накладок (рис. 3: 1-4, 5) (127 погр.). Поясные наборы получили широкое распространение во II в. до н. э. – II в. н. э.

Тип 3. Пояса, состоящие из одной пряжки (51 погр.) – происходят из Шиповского грунтового могильника и были распространены в II-IV вв. н. э.

Таким образом, несмотря на столь большое разнообразие поясных наборов, среди них выделяются определенные группы, имеющие как половозрастные, так и хронологические отличия.

Большинство поясов типа 1 имели привески в виде ремешка, спускающегося от пояса и оканчивающегося различными подвесками: колоколовидными, из спаянных колец и трапециевидными. Их нахождение в опре-

деленных погребениях на данный момент исследования не удается связать с возрастными или социальными характеристиками погребенного. Такие подвески повсеместно распространены в женском средневековом костюме финно-пермяков (Крыласова, 2001).

Обувные украшения

По месту нахождения пряжек с неподвижным крючком на костях стоп в погребениях можно утверждать, что они служили украшением мужской обуви (рис. 11, 11, 12). Аналогичные украшения найдены в пьяноборской культуре (Красноперов, 2006; Генинг, 1970, рис. 40). Так как обувные пряжки были рассмотрены подробно в соответствующем разделе, то отметим только, что данный вид украшения обуви существовал на протяжении всего второго хронологического периода существования кара-абызской культуры (II в. до н. э. – II в. н. э.).

Удалось выявить второй тип украшений обуви, не известный ранее в кара-абызском костюме и часто встречающийся в это же время в женских погребениях. В Охлебининском могильнике часто в районе голени обнаруживаются по 2 пояса, состоящих из бляшки с ушком на обороте и обойм, оканчивающихся трапециевидными подвесками. Вероятнее всего, ими украшали заднюю часть сапог. Комплексы с подобными украшениями отличаются и погребальным обрядом – ноги лежат не прямо, а согнуты в коленях и завалены на одну сторону (как правило, правую). Это говорит об особом положении умерших в обществе (возможно, они были инородцами). Аналоги типа украшений обуви, состоящих из ряда бляшек и обойм, имеются в пьяноборской и азелинской культурах (Генинг, 1963, рис. 34, с. 58).

Обшивка одежды

В женском кара-абызском костюме в погребениях в районе голени фиксируется ряд обойм или бляшек, лежащих поперек костяка. При этом бляшки найдены как на костях, так и за ними (рис. 8). Данное расположение предметов указывает на то, что ими обшивали подол платья или длинной туникообразной рубахи. Они происходят из Биктимировского и Охлебининского могильников. В обшивке подола использовали в основном гладкие обоймы, имеющие на обороте отверстия для пришивания.

Еще одним типом расшивки одежды являются украшения, состоящие из обойм и фиксируемые в районе плеч погребенного. Они получили название Т-образных украше-

ний (Пшеничнюк, 1973, с. 220) (рис. 9, 10). На плечах умершего располагались обоймы, идущие от плеч к поясу вертикальной полосой, которая упирается в горизонтальную полосу обойм, представляющих перевернутую букву «Т». А.Х. Пшеничнюком были реконструированы женские костюмы, на одном из которых он и изобразил Т-образные обшивки плеч (рис. 4: 1). В могильнике Кара-Абыз-2 встречены и простые вертикальные полосы на плечах (рис. 10). Вероятнее всего, ими обшивали одежду, закрывая тем самым швы. Е.Е. Никонорова связывает кара-абызские Т-образные украшения с нарукавными розетками, встречающимися в традиционной одежде марийского народа (Никонорова, 2000, с. 269).

В 12 погребениях Охлебнинского могильника на запястьях рук зафиксированы трех- и четырехсоставные накладки с ушками на обороте (рис. 9). Они располагались как на костях, так и за ними. В данном случае это была расшивка рукавов. В Биктимировском, Кара-Абыз-2 и нескольких погребениях Охлебнинского могильника на запястьях зафиксированы бусы, которыми также обшивали рукава (рис. 8).

Таким образом, костюм кара-абызского населения состоял из следующих основных костюмных элементов: головного убора, шейно-нагрудных, поясных, обувных украшений и обшивок одежды.

Одежда населения Южного Приуралья в эпоху раннего железа, по аналогии с другими культурами, изготавливалась, вероятнее всего, из тканей (шерстяных или конопляных), кожи, войлока. Но в кара-абызских погребениях сохранились только фрагменты кожи, по которым можно реконструировать лишь отдельные швы рубах или платьев. Да и сама кожа может косвенно указывать на то, что это была только верхняя одежда. По остаткам кожи видно, что швы делались не просто одинарные, а двойные: вначале ткань прошивалась одним швом, а затем края загибались в одну сторону и прошивались второй шов. Такая трудоемкая работа необходима была, по всей видимости, для того, чтобы плотные края кожи не портились от попадания на нее воды. Да и сама кожа имеет особенность загибаться по краям. Видимо, для того чтобы этого избежать, и расшивали подол одежды и плечи².

² Данный вывод был подсказан к.и.н. Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН Никоноровой Еленой Евгеньевной, за что мы ей и выражаем огромную благодарность.

В последнее время в развитии исследований по реконструкции археологического костюма наметился новый этап, связанный с работами Н.Б. Крыласовой, З.В. Доде, С.А. Яценко и др., в которых негативные моменты (отсутствие культурно-исторической интерпретации костюма, его анализ в узких хронологических и этнолокальных рамках, рассмотрение археологического материала не во всей совокупности выявленных источников и др.) в изучении данной категории культуры нивелируются и используются новые подходы и методы (методы математической статистики, реконструкции; комплексный, гендерный подходы и др.).

Без реконструкции костюма сложно представить его особенности, поэтому в работе приводятся гипотетические реконструкции, основанные на планах и описаниях конкретных погребальных комплексов (рис. 5-11).

Выводы

Кара-абызский костюм начал формироваться на самых ранних стадиях развития культуры – в IV в. до н. э. В каждый из выделенных хронологических периодов существуют определенные типы костюмов.

1. IV-II вв. до н. э. В это время бытовали еще головные уборы, сохранившие ананьинские традиции, появляются гривны в полтора оборота, височные восьмеркообразные подвески и поясные бронзовые крючки со стилизованным изображением животных. В этот период появляются пояса, состоящие из накладок с изображением голов грифонов и пряжек с изображением оленей. В Шиповском курганном могильнике встречаются нагрудные украшения из гофрированных накладок. Этот период отмечен появлением новых элементов убранства костюма: пояса из накладок в виде голов грифонов, различные подвески в зверином стиле, пряжки с треугольниками и обоймы с вырезом на обороте. В это время формируются основные этнические признаки кара-абызского костюма.

2. II в. до н. э. – II в. н. э. В этот период происходит наибольший демографический всплеск кара-абызского населения и именно в это время кара-абызский костюм наиболее унифицирован. При всем многообразии четко выделяются женские и мужские поясные наборы, обувные украшения. Доминирующим этническим признаком становятся пояса и украшения, свернутые в ногах. В качестве родового и социального маркера выступают височные подвески и состав пояса. Выделяются бедные погребения с одной дисковидной

бляхой и погребения с золотыми височными подвесками, кореллирующими с двумя дисконидными бляхами в составе богатого поясного набора.

3. II в. н. э. – середина III вв. н. э. В этот период наиболее ярко проявляются отличия материальной культуры Шиповского и Охлебининского могильников, что связано с отсутствием постоянных тесных контактов между населением, оставившим эти памятники. Если в Охлебининском могильнике четко выделяются костюмные комплексы, то в Шиповском

происходит размывание этнических традиций, связанное с внешним влиянием.

4. середина III в. н. э. – начало IV вв. н. э. Этот хронологический период представлен только Шиповским могильником, где выделяются комплексы, имеющие позднесарматские и мазунинские черты при сохранении элементов убранства, характерных для предыдущего периода. Это говорит о наличии брачных связей с поздними сарматами, мазунинцами, а также о постепенном превращении оставшегося кара-абызского населения в немногочисленный реликт.

ЛИТЕРАТУРА

- Атаманов-Эграпи М.Г. Происхождение удмуртского народа. Ижевск: Удмуртия, 2010. 575 с.
- Воробьева С.Л. Поясные накладки с изображением грифона: к вопросу о происхождении и времени появления в лесостепи Приуралья // Уфимский археологический вестник. Вып. 10, 2010. С. 56–63.
- Воробьева С.Л. Шейно-нагрудные украшения кара-абызской культуры // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых (Уфа, 26 октября 2012 г.) Уфа: Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН, 2012. С. 26–30.
- Генинг В.Ф. Азелинская культура III-V вв. / Вопросы археологии Урала. Вып. 4. Ижевск, Свердловск, 1963. 160 с.
- Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. I. Чегадинская культура (III в. до н. э. – II в. н. э.) / Вопросы археологии Урала. 1970. Вып. 10. 224 с.
- Гольмстен В.В. Отчет о раскопках Чертова городища в г. Уфе в 1910–1912 годы. Уфа, 1913 // Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра РАН. Ф. 3. Оп. 5. Д. 32. 43 л.
- Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / МИА № 30. М.: Наука, 1952. 326 с.
- Ковалев А.А. Происхождение хунну согласно данным истории и археологии // Европа-Азия: Проблемы этнокультурных контактов. К 300-летию Санкт-Петербурга. СПб: ООО Изд-во ЛЕМА, 2002. С. 150–194.
- Красноперов А.А. Головные уборы пьяноборского времени // Национальные культуры Урала: самобытность, история и перспективы взаимодействия. Материалы региональной научно-практической конференции. Екатеринбург: Министерство культуры свердловской области, Свердловский областной Дом Культуры, 2005. С. 77–92.
- Красноперов А.А. Зеркала пьяноборской культуры // Пятые Берсовские чтения. Сб. научн. статей / Свердловский областной краеведческий музей. Екатеринбург: Изд-во Квадрат, 2006. С. 144–148.
- Красноперов А.А. О функциональном назначении «портупей» из кара-абызских погребений // Урал-Алтай: через века в будущее. Материалы IV Всероссийской научной конференции, посвященной III Всемирному курултаю башкир (25–27 марта 2010 г.). Т. II. История. Уфа: Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН, 2010. С. 127–130.
- Крыласова Н.Б. История прикамского костюма. Костюм средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь Пермский госуд. пед. университет, 2001. 259 с.
- Молотова Т.Л. Марийский народный костюм. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1992. 112 с.
- Морозов Ю.А., Котов В.Г. Археологические исследования в зоне строительства Юмагузинского водохранилища // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2001. Т. 6. № 2. С. 54–58.
- Николаев В.В., Иванов-Орков Г.Н., Иванов В.П. Чувашский костюм от древности до современности. М.; Чебоксары; Оренбург: Фонд историко-культурологических исследований им. К. В. Иванова, 2002. 400 с.
- Никонорова Е.Е. Нарукавные розетки в вышивке народов Волго-камского региона // Этносы и культуры на стыке Азии и Европы: Сборник статей к 50-летию научной деятельности члена-корреспондента РАН Р. Г. Кузеева. Уфа: Гилем, 2000. С. 260–274.

Овсянников В.В., Савельев Н.С., Акбулатов И.М., Васильев В.Н. Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. Уфа: Гилем, 2007. 166 с.

Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. 336 с.

Патрушев В.С. Марийский край VII–VI вв. до н. э. (Старший Ахмыловский могильник). Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1984. 232 с.

Патрушев В.С. Костюм Волжских финнов как этнический показатель (по данным раскопок Старшего Ахмыловского могильника) // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр. Ч. I / отв. ред. М.Л. Бережнова, С.Н. Корусенко, Р.С. Хакимов, Н.А. Томилов. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. С. 376–380.

Пшеничниук А.Х. Альбом иллюстраций к научному отчету за 1964 г. // Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 640. 75 л.

Пшеничниук А.Х. Альбом иллюстраций к научному отчету за 1965 г. // Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 663. 46 л.

Пшеничниук А.Х. Альбом иллюстраций к научному отчету о результатах археологических исследований за 1966 г. // Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 693. 41 л.

Пшеничниук А.Х. Альбом иллюстраций к научному отчету за 1967 г. // Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 721.

Пшеничниук А.Х. Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // Археология и этнография Башкирии. Т. V. / Под ред. Н.В. Бикбулатова, Р.Г. Кузеева, Н.А. Мажитова. Уфа: БФАН СССР, 1973. С. 162–243.

Пшеничниук А.Х. Альбом к отчету о раскопках Охлебнинского могильника за 1980 г. Т. 2. // Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 196. 53 л.

Пшеничниук А.Х. Альбом к отчету о раскопках Охлебнинского могильника за 1981 г. // Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 105. 196 л.

Пшеничниук А.Х. Альбом к отчету о раскопках Охлебнинского могильника за 1982 г. // Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 111. 29 л.

Пшеничниук А.Х. Хронология и периодизация погребальных комплексов Охлебнинского могильника // Хронология памятников Южного Урала: Сб. ст. / Отв.ред. Б. Б. Агеев. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 1993. С. 32–61.

Савельев Н.С. Памятники эпохи раннего железа горного течения р. Белая (разведочные работы А.П. Шокурова 1961–1962 годы) // Материалы Региональной научно-практической конференции «Историческое краеведение в Башкортостане: история и современность», посвященной 100-летию со дня рождения краеведа-археолога Анисима Павловича Шокурова (Уфа, 24 ноября 2011) / Наследие веков. Вып. 2. / Отв.ред. В.Г. Котов. Уфа: ИИЯЛИ УНЦ РАН, 2011. С. 42–70.

Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Наука, 1979. 124 с.

Шишлина Н.И. Головные уборы эпохи бронзы северо-западного Прикаспия // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского: сб. ст. / Гл. ред. В.И. Гуляев. М.: Институт Археологии РАН, 2005. С. 50–65.

Информация об авторе:

Воробьева Светлана Леонидовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Национальный музей Республики Башкортостан (г. Уфа, Россия); sveta_legion@mail.ru

TYPES OF COSTUME COMPLEXES OF KARA-ABYZ CULTURE BEARERS OF EARLY IRON AGE

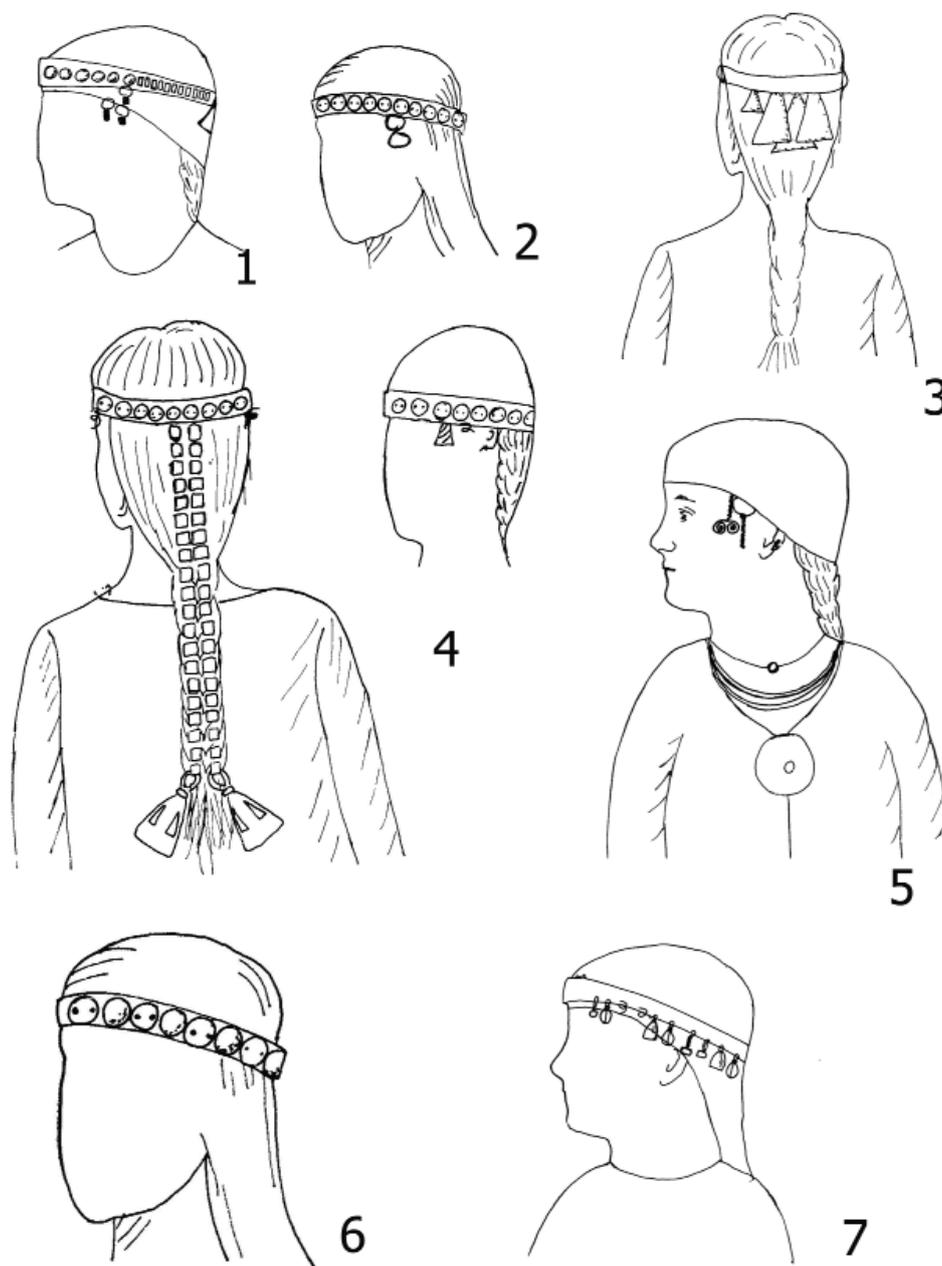
S.L. Vorobyeva

The article presents the features of establishment and development of the costume complex of Kara-Abyz population, outlines the types of costumes characteristic of each chronological period and contains graphical reconstructions of the costume complexes. The Kara-Abyz costume was initially formed at the earliest stages of cultural development in the 4th century B.C., and each chronological period corresponds to particular types of costumes. The author outlines individual types of costume elements - belt sets, headwear, neck and chest adornments, shoe decoration and costume lining. Separate types were identified to each element of the costume, primarily differing in terms of the gender. The women's Kara-Abyz costume is most informative, as it consisted of a chest and belt sets and was characterized by the use of costume lining. The costume was supplemented with temple pendants, buckles, bracelets, torcs and other elements in various periods depending on the gender and social standing, or belonging to a particular dynasty. The credibly reconstructed elements of the men's costume complex included a belt set and shoe ornamentation in the form of buckles. Unlike the women's clothing elements, they served a more rational purpose than that of decorations or ritual items.

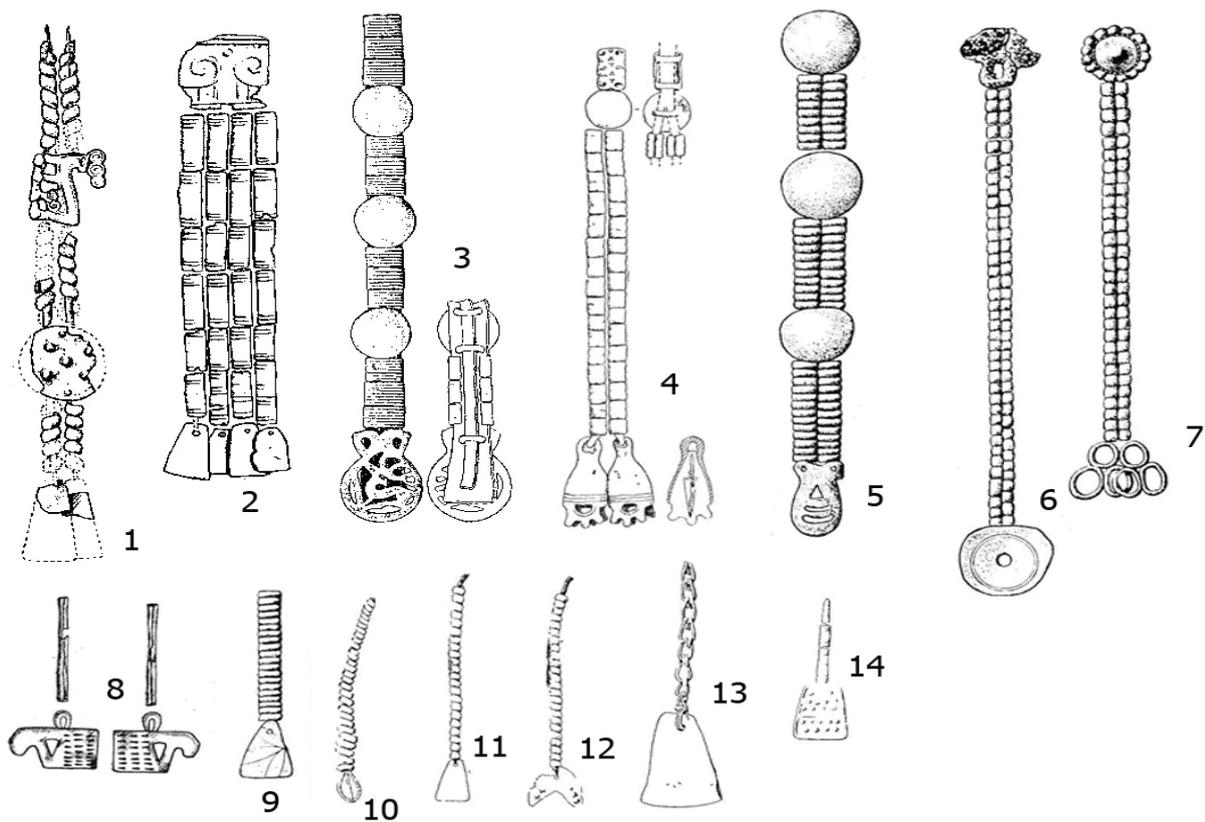
Keywords: archaeology, Early Iron Age, Kara-Abyz culture, costume, belt set, head adornments, neck and chest adornments, shoe decoration, costume lining.

About the Author:

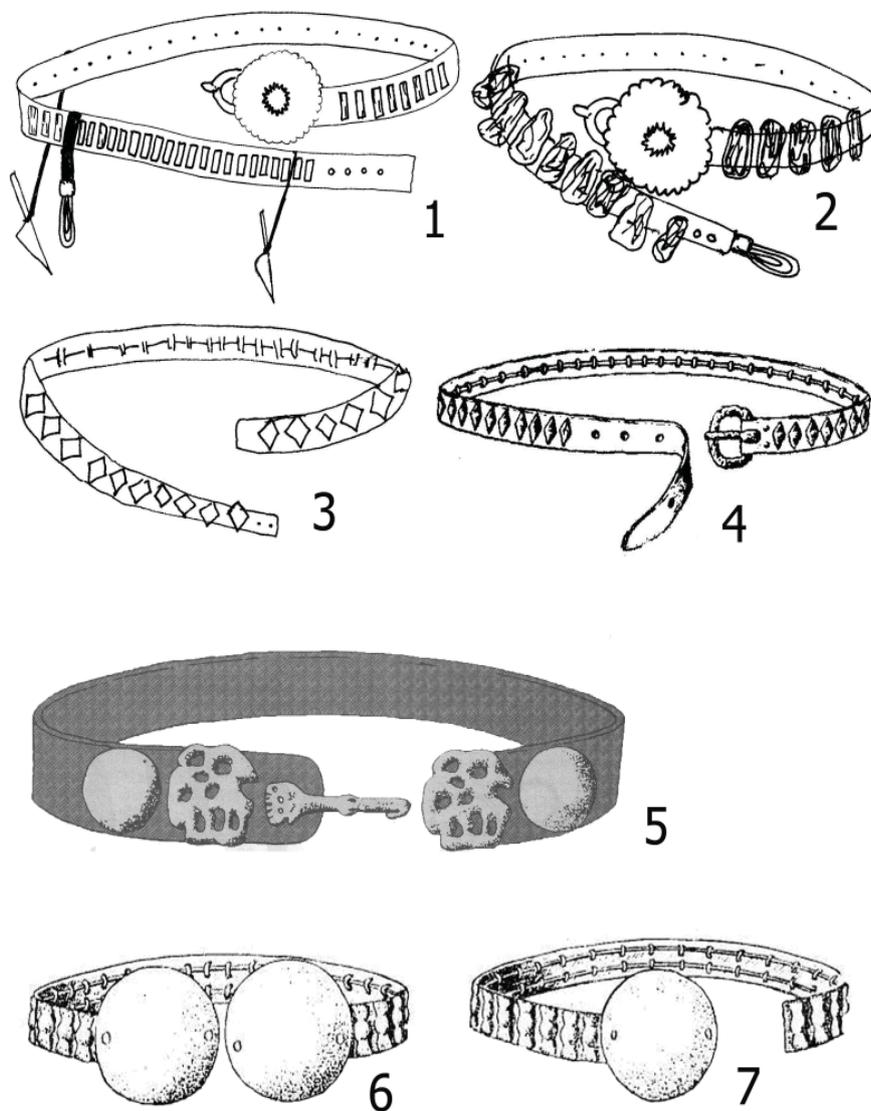
Vorobyeva Svetlana L. Candidate of Historical Sciences. Bashkortostan National Museum, Sovetskaya str. 14, Ufa, 45008, Russian Federation; sveta_legion@mail.ru

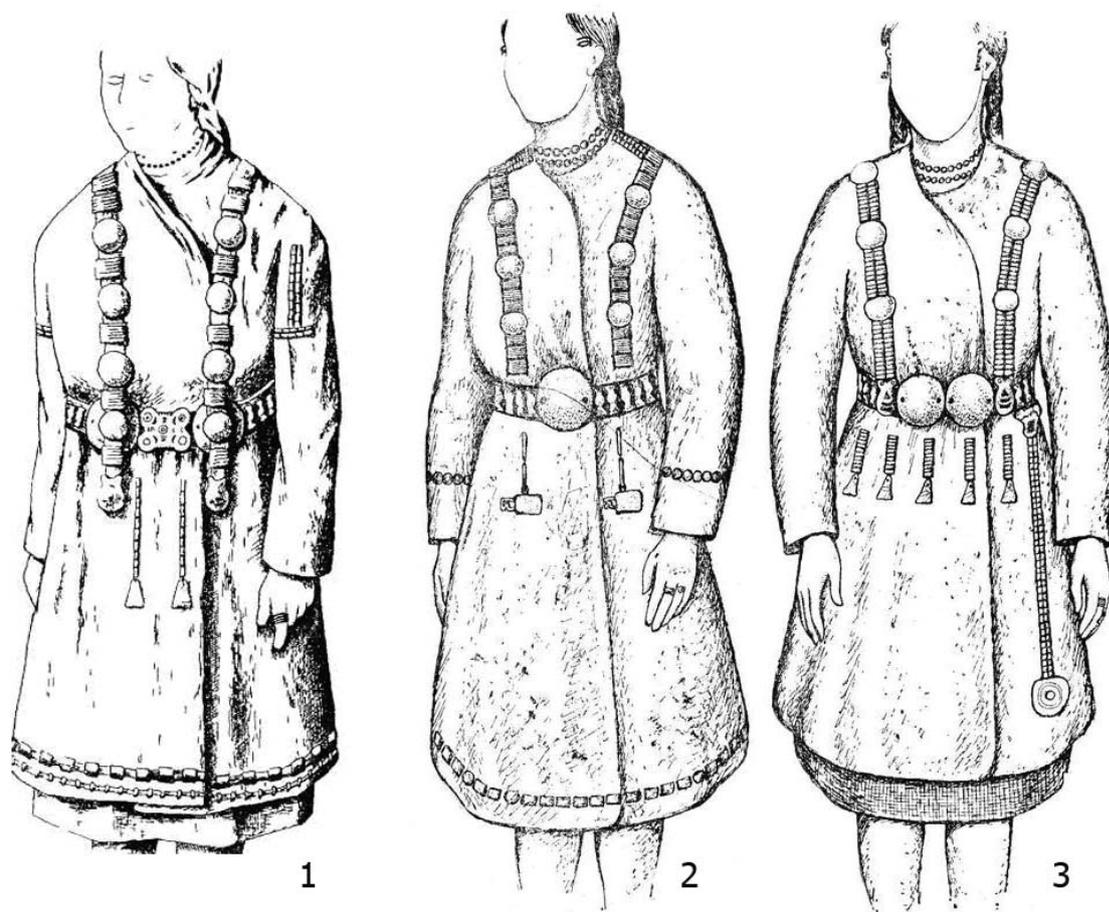
Рис. 1. Реконструкции женских головных и шейно-нагрудных уборов кара-абызской культуры: 1, 4 – Шиповский КМ (п. 1/к.5/Гр.-67 (Пшеничнюк, 1967, л. 8), п. 1/к.4/Гр.-66 (Пшеничнюк, 1966, л. 4); 2 – Уфимский мог. (п. 14) (Гольмстен, 1913, л. 27); 3, 5 – Охлебининский мог. (п. 299 (Пшеничнюк, 1981, рис. 337), 423(там же, рис. 699); 6 – I Биктимировский мог. (п. 46) (Пшеничнюк, 1964, рис. 34-35); 7 - III Биктимировский мог. (п. 7) (там же, рис. 16-17)

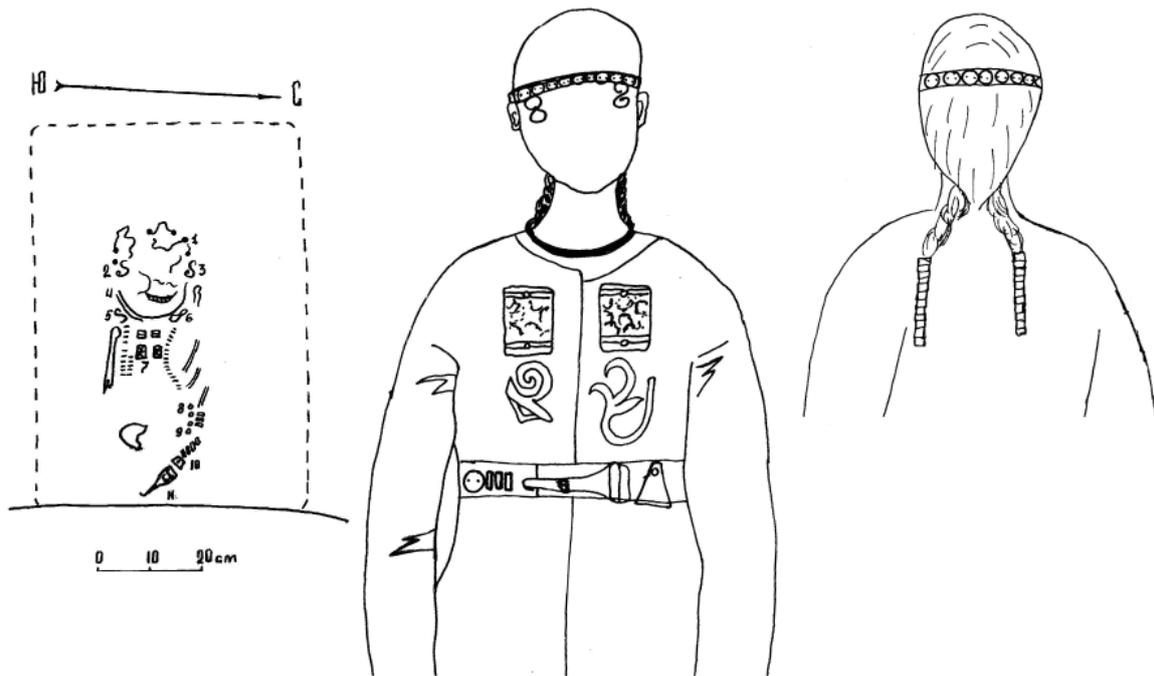
Рис. 2. Портупейные наборы и накосники кара-абызской культуры (по А.Х. Пшеничнюку): 1-4, 10-14 – Биктимировский мог., 5-9 – Охлебининский мог., (Пшеничнюк, 1964, рис. 4; Он же, 1968, рис. 10, 11; Он же, 1993, рис. 7, 9)

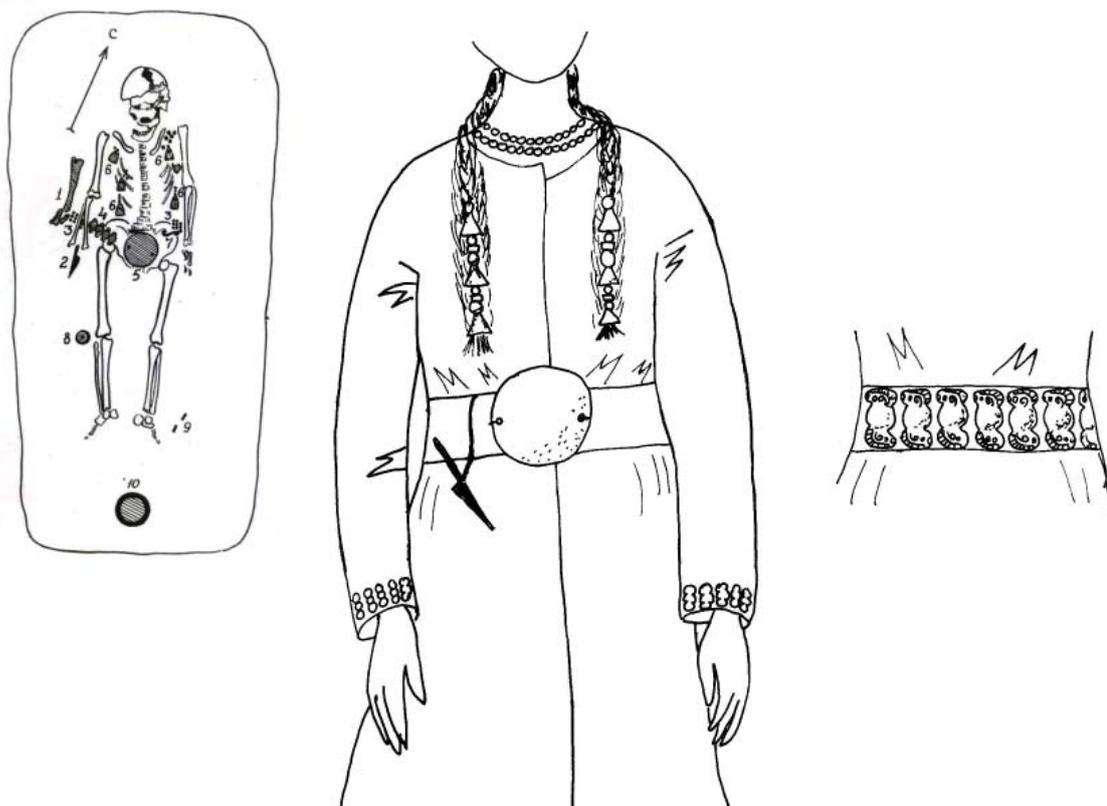
Рис. 3. Реконструкции кара-абызских поясных наборов (1-3 – по С.Л. Воробьёвой; 4-7 – по А.Х. Пшеничнюку):
1-3, 6, 7 – Охлебининский мог. (п. 126, 248, 479, 21, 8), 4 – Шиповский ГМ.; 5 – Шиповский КМ (Пшеничнюк,
1968, рис. 9: 11, 12; Он же, 1976)

Рис. 4. Реконструкции женских кара-абызских костюмов (по А.Х. Пшеничному): 1 – I Биктимировский мог. (п. 46) (Пшеничнюк, 1964, рис. 6, с. 225); 2 – III Биктимировский мог. (п. 11); 3 – Охлебининский мог. (п. 21/I-65) (Пшеничнюк, 1973, с. 186, рис. 13: 14)

Рис. 5. Гипотетическая реконструкция женского кара-абызского костюма (Охлебининский мог., п. 85/II-65) (IV-II вв. до н.э.) (автор С.Л. Воробьева, по материалам: Пшеничнюк, 1965, рис. 198)

Рис. 6. Гипотетическая реконструкция женского кара-абызского костюма (Охлебининский мог., п. 62/1-80-82) (II в. до н.э. – II в. н.э.) (автор С.Л. Воробьева, по материалам: Пшеничнюк, 1980, рис. 181-184)

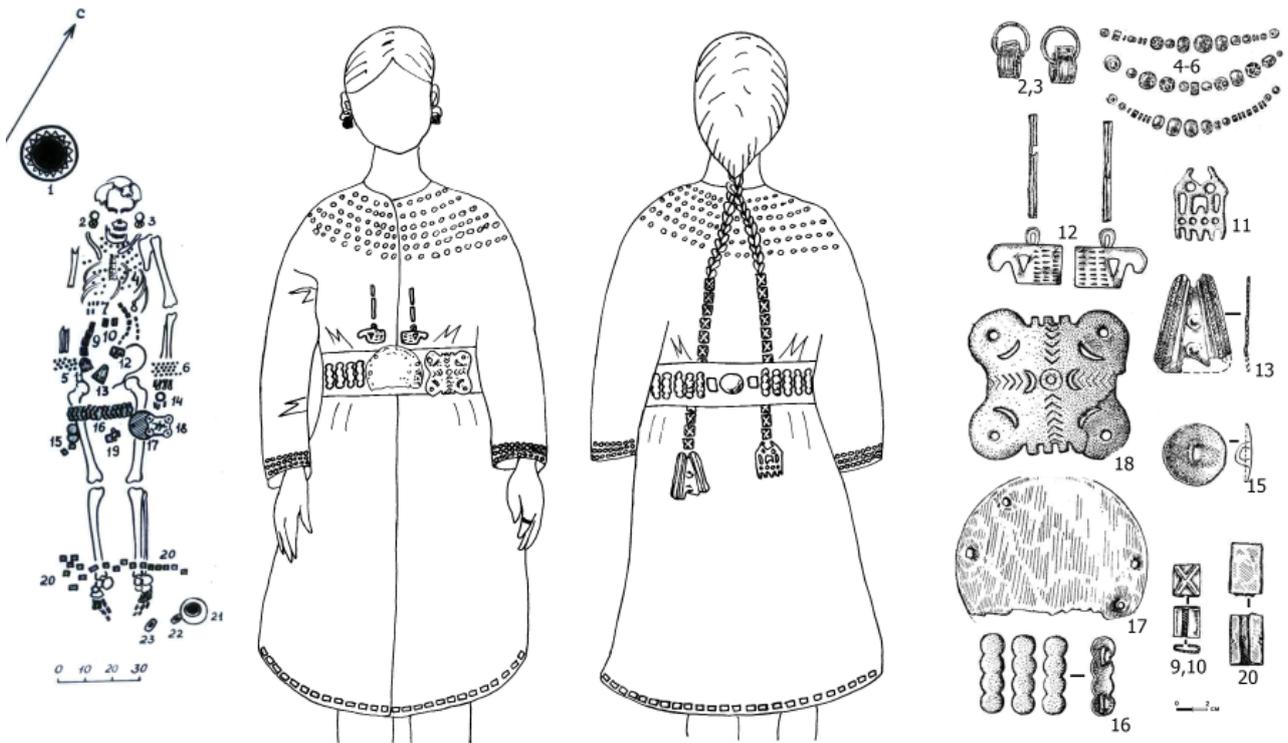

Рис. 7. Гипотетическая реконструкция женского кара-абызского костюма (Охлебининский мог., п. 126-80-82) (IV-II вв. до н.э.) (автор С.Л. Воробьева, по материалам: Пшеничнюк, 1980, рис. 376-381)

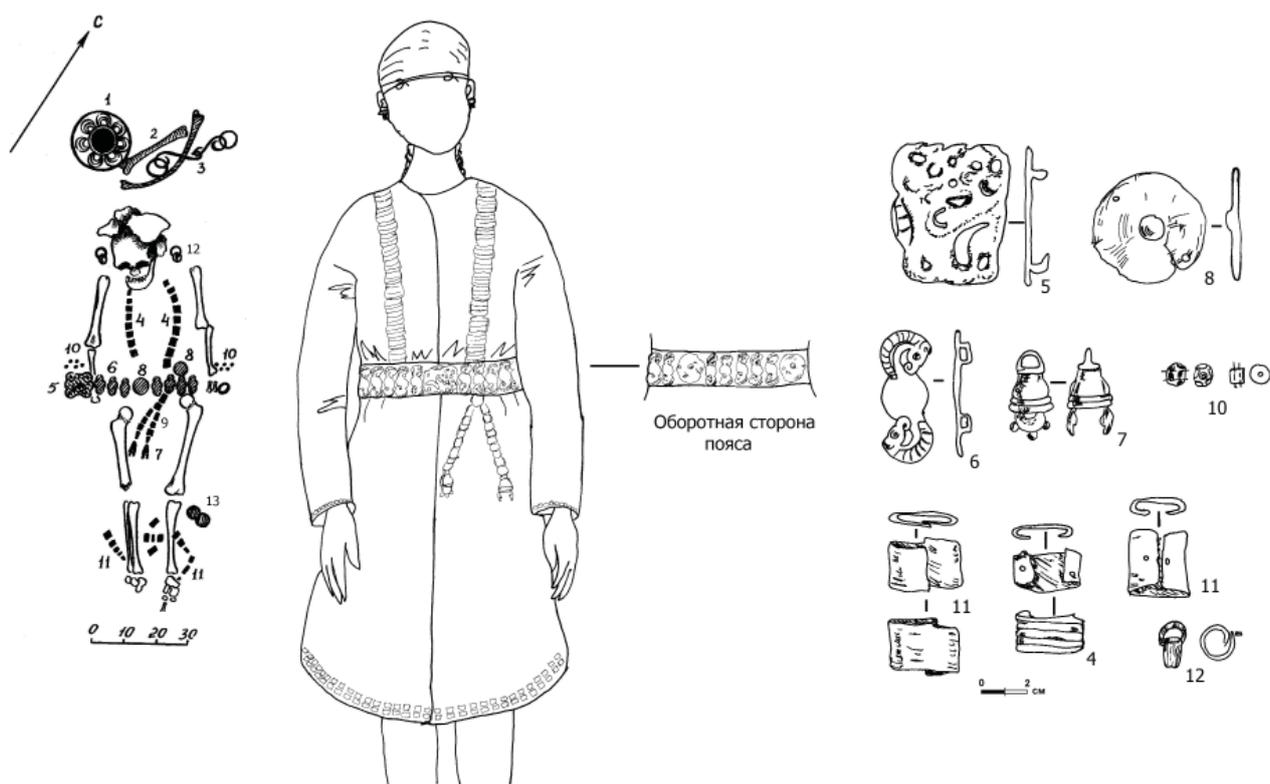

Рис. 8. Гипотетическая реконструкция женского кара-абызского костюма (Охлебининский мог., п. 346-80-82) (IV-II вв. до н.э.) (автор С.Л. Воробьева, по материалам: Пшеничнюк, 1980, с. 52-58)

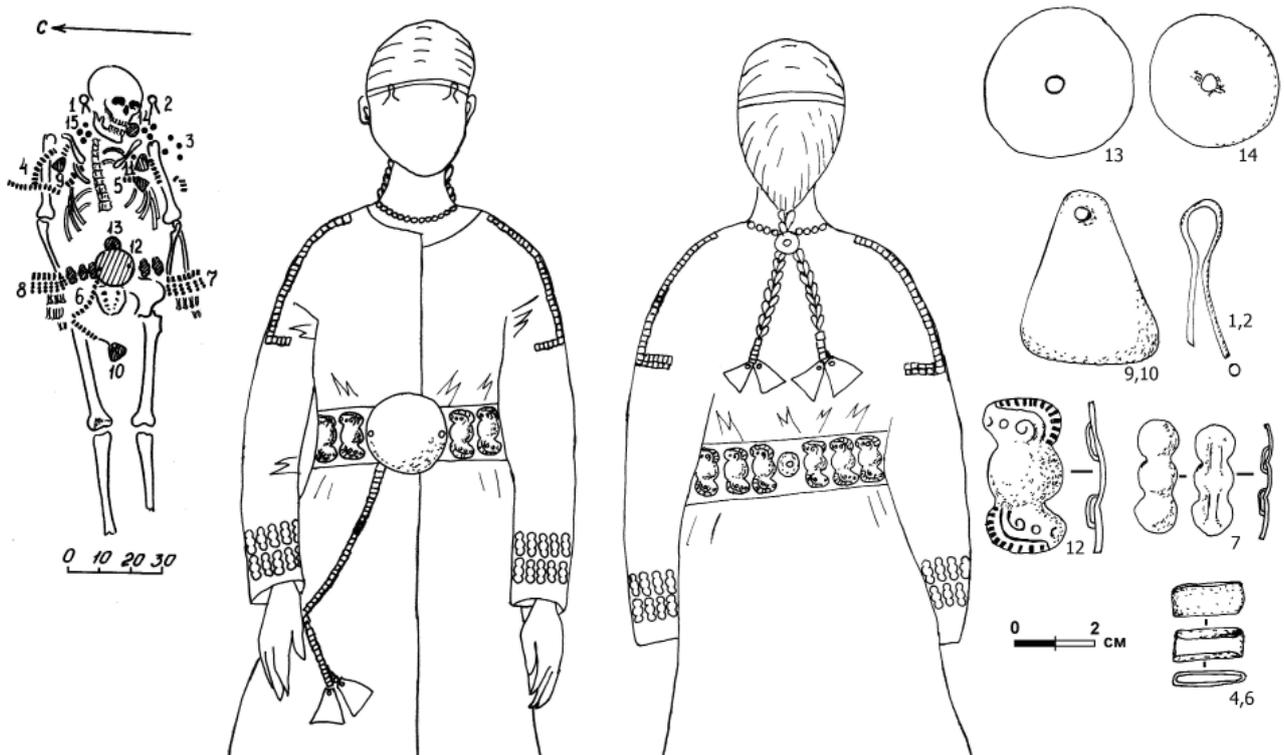
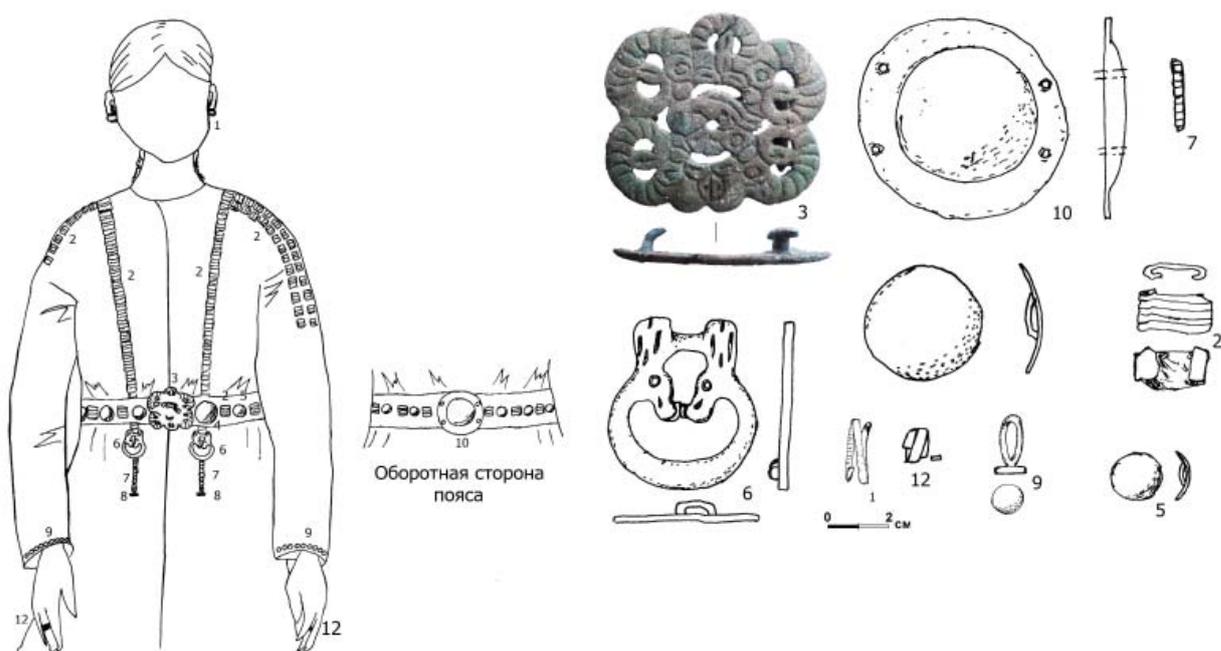
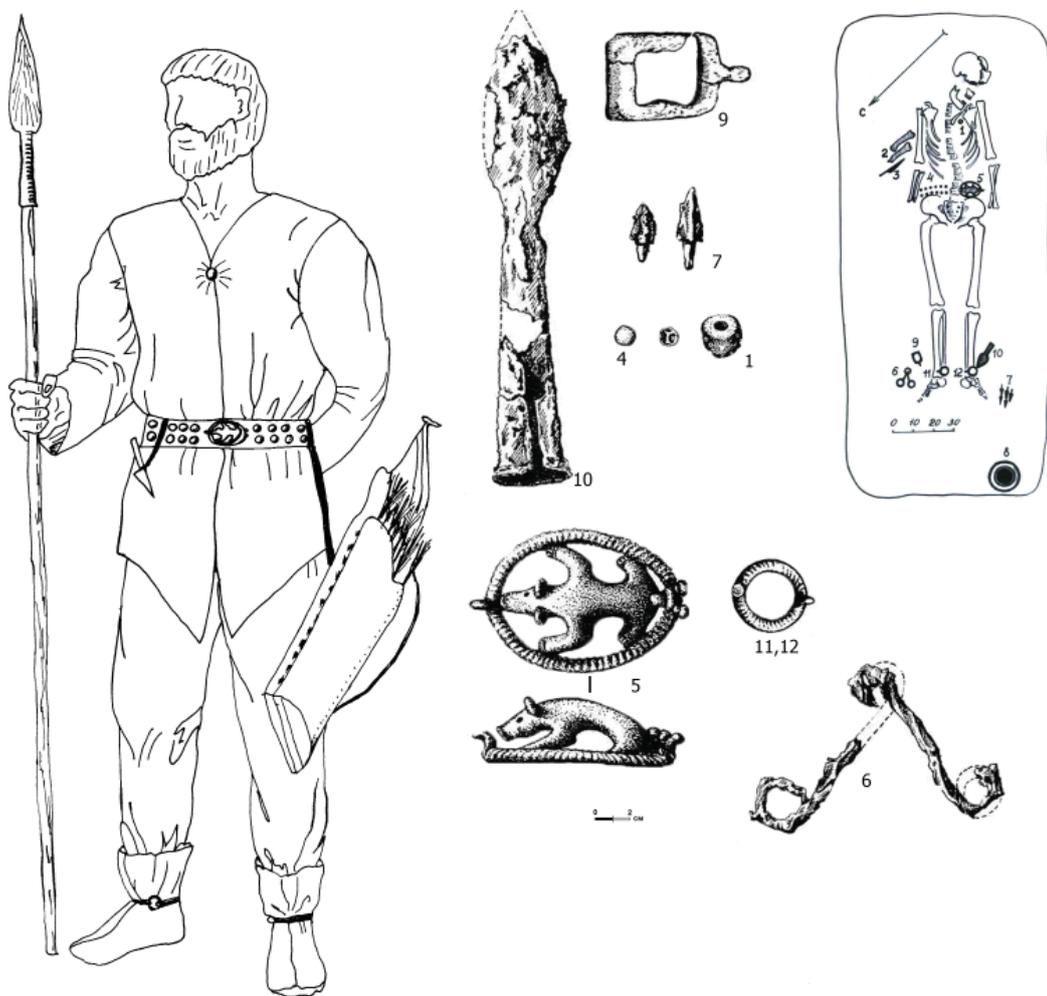

Рис. 9. Гипотетическая реконструкция женского кара-абызского костюма (Охлебининский мог., п. 452-80-82) (II в. до н.э. – II в. н.э.) (автор С.Л. Воробьева, по материалам: Пшеничнюк, 1981, с. 60)

Рис. 10. Гипотетическая реконструкция женского кара-абызского костюма (мог. Кара-абыз-2, погр. 20) (IV-II вв. до н.э.) (автор С.Л. Воробьева, по материалам: Национальный музей Республики Башкортостан, фонд Археологии, ОФ 30078)

Рис. 11. Гипотетическая реконструкция мужского кара-абызского костюма (Охлебининский мог., п. 173-80-82) (II в. до н.э. – II в. н.э.) (автор С.Л. Воробьева, по материалам: Пшеничнюк, 1980, рис. 518-520).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН СССР – Академия наук СССР
АССР – Автономная Советская Социалистическая Республика
ГИМ – Государственный исторический музей
ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ИЯЛИ – Институт языка, литературы и искусства
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НГОМЗ – Новгородский государственный объединенный музей-заповедник
ОАК – Отчет археологической комиссии
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
ПА – Поволжская археология. Казань
РА – Российская археология, Москва
СА – Советская археология, М.
СЭ – Советская этнография,
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
УИИЯЛ УрО РАН – Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук
МВК им. И.С. Шемановского - Музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шемановского
НМ РТ - Национальный музей Республики Татарстан.
ФМ – Фонд Марджани
ЯНАО – Ямало-Ненецкий автономный округ